

Пролог

Свеча в руке у Энгле дрожит, плачет горячим воском, капает на пальцы. Энгле и сам дрожит, трясущиеся губы беззвучно шепчут слова старого заговора. Воздух вокруг зыбится и идёт рябью – непроглядно-чёрный и звенящий весенним холодом, как мрак владений Серебряной Матери.

Явись и забери то, что я тебе даю.

Явись и не сбеги.

Явись...

Рыжий огонёк мигает, захлёбывается плавящимся воском, и пальцам Энгле становится горячо, так горячо, что хочется скорее бросить огарок. Ещё ему страшно. Очень страшно, и по хребту бегают крупные ледяные мурашки.

Перед Энгле серой лентой стелется дорога, почти не различимая в эту тёмную беззвёздную ночь. Позади него – тоже дорога. И слева, и справа тянутся пути, уводящие куда-то через поля, в далёкие земли, о которых он и не думал никогда.

Энгле стоит на перекрёстке. Ему нужен тот, кто владеет всеми дорогами на свете, тот, кому подвластны не только перекрёстки и Тракты, но и сплетения людских судеб. Энгле старается не думать, сколько в окрестных лесах и прудах таится нечистотей: сейчас, в тёмные весенние ночи, они становятся особенно охочи до человеческих душ. Ветер перебирает волосы на затылке, забирается под тонкую рубашку, но Энгле продолжает упорно шептать:

Явись, Господин Дорог, на мой зов.

Прими мой дар, Господин Дорог.

Явись и не сбеги.

Сзади – деревня. Энгле не оборачивается, не видит её огней, но спиной чувствует, как окна домов глазют на него. Он зажмуривается, не прекращая шеве-

лить губами. Ничего не меняется, тьма такая плотная, что закрывай глаза, что открывай — всё одно. Энгле кажется, что кто-то пробегает перед ним по дороге. Он сбивается, перестаёт шептать, облизывает пересохшие губы и вертит головой по сторонам. Нет, не видно Господина Дорог. Должно быть, прошмыгнула лисица. А может, и лешак.

Он не может вспомнить, на каком месте заплнулся. Слова заговора, так тщательно заучиваемые в течение долгих недель, вылетают из головы. Свеча шипит, Энгле шипит тоже, стряхивая с пальцев капли обжигающе горячего воска. Огонёк гаснет, и тьма накрывает Энгле колпаком. Не видно вообще ничего. Запахи ночи сразу становятся резче, соловьиная трель в черёмуховых зарослях кажется надрывной и зловещей. В пруду за кустами квакают лягушки, будто насмехаясь.

Нет Господина Дорог.

Дыхание Энгле сбивается. Он не может понять, что чувствует. Злость — от того, что Господин Дорог не явился. Затаённую радость — от того же. Может, не придётся отдавать себя в услужение. Страх — что же так темно кругом?

Энгле вдыхает через нос и решает оглянуться. Ночь как ночь, но какая-то неуловимая жуть разлита кругом. От заговора? От нечистотей, затаившихся под кустами? Или от того, что он сам наделил эту ночь особым, тайным смыслом?

— Штаны рваные. Мог бы и приодеться.

Энгле подпрыгивает на месте, едва не падает на землю. Сердце срывается в галоп. Он резко оборачивается и издаёт не то изумлённый вскрик, не то всхлип.

На дороге перед ним стоит человек. Очень странный человек. Маленький — не с мужчину, а с подростка, одетый в тёмные штаны, серую рубашку и красный жилет, расшитый мелкими камнями и серебряными нитями. На ногах — сапоги с чуть заострёнными носами, каких в деревнях отродясь не носили. Лицо у человека странное: не молодое, не старое, какое-то

переменчивое, будто каждый миг ему исполняется то десять, то сорок, то девяносто зим. Нос у него тонкий, с резко очерченными ноздрями. Рот растянут в полуулыбке, губы узкие, а глаза с недобрый прищуром похожи на спелые черешни.

Энгле не разглядел бы всего этого, если бы не целая стая светляков, облепивших пальцы человека. Он держит руку согнутой в локте, и светляки как раз освещают его лицо. Немного света достаётся даже молодой весенней траве под ногами.

— Г... Гос... — Энгле страшно заикается. Ему хочется броситься прочь. Спина взмокает, и рубаха противно прилипает к телу. То, чего он так боялся и чего так желал, произошло.

— Нет-нет. — Человек машет рукой, и несколько светляков осыпаются на дорогу, похожие на капли расплавленного олова. — Не нужно говорить со мной заученными фразами. Я понимаю и так. Люди нарекли меня Господином Дорог, но это вовсе не означает, что все речи нужно начинать с упоминания этого прозвища. — Он закусывает длинный ноготь на указательном пальце, будто крепко о чём-то задумавшись. — Так чего ты хочешь, малец? Зачем так настырно звал?

Господин Дорог садится на землю, скрестив ноги, и подпирает подбородок кулаком — тем, который свободен от светляков. Энгле шумно сглатывает.

— Я готов перейти к тебе в услужение.

Лягушки в пруду резко замолкают. На миг кругом воцаряется странная тишина, но уже в следующее мгновение Господин Дорог начинает смеяться. Энгле бросает в жар от стыда. Не так, ох, не так он представлял себе их разговор!

Смех обрывается так же внезапно, как и начался. Лягушки снова заливаются гортанным кваканьем. Со стороны деревни тянет дымком, а от черёмухи — густой душистой сладостью.

— И на что ты мне сдался? Я ведь не лесовой, что делает несчастных своими лешачатами. И не водяной,

которому служат русалки, мавки да водяницы. Ну ты и чудак!

Господин Дорог качает головой, и его длинные, до плеч, волосы кажутся Энгле то седыми, то тускло-русыми. Энгле снова сглатывает. Пить хочется страшно.

— Так... Вроде бы говорят, что ты любой путь укажешь за службу верную.

— Бабкины сказочки, — сочувствующе вздыхает Господин Дорог. — Но всё же теперь любопытно, чего ради ты меня звал. Даже душу хотел предложить... Что за путь хотел изведать? Узнать дорогу к богатству или судьбу людскую?

Он насмешливо качает рукой, облепленной светлячками. Энгле опускает взгляд на свои грязные истоптанные постолы¹ и бубнит:

— Батька мой пропал. Отплыл за рыбой, как обычно, да только почти год миновал, а обратно всё никак не плывёт. Запутал, видать, в своих морях. Мамка переживает, всё на Тракт смотрит — не едет ли? И денег у нас впритык осталось. Вот, попросить тебя хотел. Не укажешь ли путь кораблю? Раз все дороги тебе подвластны. Пожалуйста.

Последнее слово он произносит так жалобно, что самому становится противно. Энгле ещё немного рассматривает свои стопы, пинает мыском камешек и только потом решается поднять глаза на Господина Дорог.

Тот продолжает сидеть на перепутье и, кажется, позабыл обо всём на свете, любитесь тем, как ручные светлячки ползают по пальцам и запястью. Энгле робко кашляет.

— Занятно. — Господин Дорог наконец устаивает его быстрым взглядом. — Сдаётся мне, твой батюшка причалил к другой пристани, потому что заблудившихся кораблей на моих тропах давно уж не было. К морякам я питаю особенно нежные чувства, поэтому

---

¹ П о с т о л ы — простая кожаная обувь типа лаптей.

стараюсь вызволять их из передряг задолго до того, как их юные отпрыски решатся вызвать меня, стоя на перекрёстке со свечой в руках.

— Причалил к другой пристани? Разве это не всё равно что заплутал? — Энгле хмурится.

— Почти. Но если бы заплутал — хотел бы вернуть-ся. Звал бы меня. А твой папенька чувствует себя на своём месте. Он не ищет, он нашёл. Скажи матушке, чтобы не волновалась, а проклинала неверного муженька. Но так и быть. Я могу его вернуть. Сплету путь иначе.

Господин Дорог вынимает из кармана золотистую кудель и, поддев нитку ногтем, начинает ловко плести что-то, отдалённо напоминающее кружево.

Энгле бросает то в жар, то в холод. Он не совсем понимает, что говорит Господин Дорог — как-то путано, туманно. Так говорят городские — всё намёками да недомолвками. Догадайся, мол, сам. Но беспокойство поселяется в животе, под нижними рёбрами, и бьётся, как бабочка, пойманная в ловушку. *«Не ищет, а нашёл»...* *«Неверный муженёк»...*

Понимание приходит внезапно, как нахлынувшая волна. Энгле обжигает обидой, переходящей в злобу.

— За тобой должок. — Господин Дорог хитро щурится. — У меня достаточно куда более интересных дел, но раз уж ты так верил в то, что я действительно вернусь, если встать на перекрёстке со свечкой и прочитать наговор... То я польщён твоим упорством.

— Но ты же явился, — упрямится вдруг Энгле. — Значит, я всё сделал правильно.

— Кто зовёт — к тому приходят. — Господин Дорог встаёт, отряхивает штаны от дорожной пыли, убирает кудель обратно в карман и пересаживает нескольких светляков себе на плечи. — Ты звал — я пришёл. Должок, помни. — Он грозит Энгле длинным пальцем.

Энгле понимает, что через пару мгновений чудесная встреча закончится, и брякает первое, что приходит в голову:

— Я думал, ты ростом повыше.

Господин Дорог хмыкает себе под нос. Снова грозит пальцем и широко ухмыляется.

— Представь, если б я был ростом с двух мужчин. И косая сажень в плечах. Ты бы оконченел со страху, не так ли?

Энгле не успевает ни ответить, ни толком покраснеть. Господин Дорог исчезает, просто растаяв в воздухе, как дым из печной трубы. На земле остаются несколько светлячков. Насекомые взлетают и садятся Энгле на плечи. Этого как раз хватает, чтобы осветить тропку, ведущую домой.

Глава 1

ЛИХО В ЛЕСУ

В своей жизни я больше всего ненавижу три вещи: голод, болезнь и погони. И именно от погони мы с Рудо пытались уйти.

Я прижимался всем телом к широкой мохнатой спине моего верного монфа, пригибал голову, чтобы колючие ветви не хлестали по лицу. Боли я не боюсь, да только без глаз остаться было бы худо.

Лапы пса бесшумно касались лесной земли, он нёсся с такой резвостью, какую трудно предугадать, глядя на его лохматое грузное тело. Я не оглядывался, но слышал, как по пятам мчится какое-то лихо, ломая ветки и тяжело, надсадно дыша.

Я точно знал, что это не люди. Человек не посмеет свернуть с Тракта, а если кто и наберётся смелости, то не станет нестись сквозь Великолесье сломя голову, без уважения и опаски. И тем более не попытается напасть на княжьего гонца — сокола.

Нечистецы тоже не нападают на нас. Тем более на меня — Кречета, сокола Холмолесского княжества. Со здешними лесовыми у меня давно если не приятельские, то хотя бы ровные отношения, вредить друг другу мы точно не станем. Я не мог понять, от кого мы пытаемся уйти, и из-за этого делалось тревожно. Не страшно — страха я давно не помнил. Но беспокойно и смутно на сердце.

Чёрная фигура с нечеловеческой ловкостью проскочила между елями справа от нас и жутко заверещала. Рудо рыкнул и дёрнулся в сторону, но я хлопнул его по шее, заставляя бежать вперёд. Пёс послушался, как и всегда, но я видел, как подрагивают маленькие, плотно прижатые к голове уши. Рудо тоже слыл бесстрашным — безголовым, как сказали бы многие, но близость непонятных тварей пугала даже моего верного пса.

Сунул руку за пазуху и вынул пару железных звёздочек с остро заточенными лучами-гранями — грозное оружие в руках опытного бойца, пусть и выглядят они несерьёзно. Метнул не глядя куда-то в темень и по визгу понял: попал.

— Угощайтесь, твари, — усмехнулся и спрятал лицо в густую пёсью шерсть, спасаясь от ощерившихся сплетений куманики, которые встали на пути.

Рудо легко оттолкнулся мощными задними лапами и перемахнул через заросли, словно взлетел. Я одобрительно похлопал его по крутому боку и поспешил снова покрепче ухватиться обеими руками за шею.

Ни один конь не продрался бы сквозь Великолесские чащи. Ни один человек не выбрался бы отсюда таким, каким был раньше. И я был счастлив, безмерно счастлив, что вместо тонконового коня у меня есть Рудо — огромный, с медведя, косматый и клыкастый монф, непременно нагоняющий страху на всех, кто видит его впервые.

Отовсюду разом послышалось свистящее шипение, и стало ясно, что нас окружили с трёх сторон. Как же, будь они прокляты, избавиться от преследователей? В горле пекло от злости — загоняют в угол, дряни, чтоб им под землю провалиться. Я бы предпочёл сразиться с ними лицом к лицу, пусть даже их было штук девять, не меньше, да только перед началом боя неплохо бы определить, что за противник перед тобой. Твари будто дразнили нас, то мелькая прямо перед носом Рудо, то отбегая в сторону и даже перескакивая на нижние ветви елей. Внезапно осознал: без меня пёс мог бы бежать втрое быстрее. Так дело не пойдёт.

— Возвращайся на Тракт и беги в Топоричек. Я найду тебя, — шепнул я на ухо псу, хлопнул его по боку и, подтянув колени к груди, соскользнул со спины монфа на землю.

Рудо привык слушаться с первого раза, этому его научили ещё несмышлёным щенком. Пса уже не было видно, когда я перекатился на живот и рывком поднялся на ноги, замерев в боевой стойке. В одной руке

уже был зажат кривой нож, вытащенный из голенища сапога, а в другой я держал с полдюжины звёздочек.

Я зычно крикнул, призывая тварей выйти из мрака под свет Серебряной Матери и явить свои личины. Ну и где эти смельчаки, напавшие на одинокого путника? Я стоял прямо посреди поросшей мхом опушки, и луна серебрила мою фигуру, делая её хорошо заметной. Со всех сторон окружал лес, но никто не мог бы приблизиться ко мне незамеченным, а сам я своим видом показывал: подходите, нападайте, мне нечего скрывать и некого бояться. Я рыкнул и сделал выпад ножом, приглашая сразиться. Справлюсь ли с девятью противниками разом? Кто ж знает. Одно я понимал с предельной ясностью: коварный враг напал бы исподтишка, убил сразу, одним ударом и не стал бы так долго гнаться по Великолесью. Быть может, нас хотели запугать или перепутали меня с кем-то.

Ветви зашевелились, и на опушку выступило девять фигур в грязных изодранных плащах. Я бы принял их за нищих бродяг в рубище, если бы не видел, с какой скоростью они могут нестись по дремучей чаще и влезать на деревья. Я не мог разглядеть ни рук, ни лиц: каждая пядь их тел была скрыта тряпьем, головы укутывали капюшоны. Твари стояли и шипели погрюбчи, не спеша нападать.

Одним неуловимым движением я метнул все шесть звёздочек — четыре твари завалились на землю, я скакнул в сторону, перепрыгнул через поваленную осину и скатился по склону оврага, пересчитывая рёбрами кочки и толстые упавшие ветки.

Спасаться бегством — неблагоприятное занятие. Но теперь противников стало почти вдвое меньше — вряд ли упавшие встанут и продолжат погоню, хотя кто знает, что это за существа и откуда взялись. С остальными разберусь по дороге, главное, не приводить их в Топоричек, к мирным людям. Я не понимал, как Смарáгдель мог допустить, чтобы в его владениях появились эти облачённые в лохмотья выродки? Где его бойкие ле-

шачата, готовые выдворить любого, кто ступит в эту часть Великолесья? Из оврага уже виднелись огни Топоричка, мигающие далеко впереди. Нужно выманить тварей на открытое пространство, но сделать это так, чтобы их не привлекли огни.

Я снял со спины короткий лук и сунул в зубы несколько стрел. Тени двигались через заросли, хрустя ветками. Их надсадное дыхание звучало отвратительными влажными всхлипами, как у чахоточных больных. Прицелившись, я выстрелил. Слишком темно, слишком многое мешало, но я не носил бы сокольных знаков, если бы не мог справиться с этой задачей.

Стрела со свистом сорвалась с тетивы. Следом за ней — ещё три. По визгливым хрипам я понял, что попал в цель. Молниеносно вытащил из голенища ещё два коротких ножа, развернулся и метнул их.

На лес опустилась тишина, от которой заложило уши. Я удовлетворённо ухмыльнулся себе под нос и пошёл искать тела, чтобы вытащить ножи и стянуть капюшоны с ублюдков — князь захочет знать, что за лихо на меня напало. Да и самого любопытство разбирало.

Под взором Серебряной Матери каждый лист казался отлитым из неведомого синеватого металла, а мох влажно мерцал росой, облепляя кряжистые бугристые тела деревьев. Я поднялся по скосу оврага и огляделся по сторонам в поисках убитых, но ничего не нашёл. В брусничной поросли поблёскивал нож. Он вонзился в мясистую шляпку лисьедуха — крупного сине-серого гриба в белёсых точках. Я срезал гриб и сунул в поясной мешок. Пригодится. Покрутил головой и увидел второй нож, а выше по склону нашёл все свои стрелы, но ни одного мертвеца не обнаружил — лишь примятую траву. С напускной вальяжностью повёл плечами, не позволяя мурашкам пробежать по спине. Что за жуть здесь творилась? Не могли же они провалиться сквозь землю? Сжав два пальца, я осенил себя треугольником Серебряной Матери. Ладно. Потом разберусь, главное, что удалось отбиться.

— С тебя чарка пенного, Смарагдель! — крикнул в чашу. — Я очистил твою вотчину.

Рёбра начинали ныть после неуклюжего падения, но я давно привык не обращать внимания на боль, усталость и прочие неудобства. Впереди звал огнями Топоричек, там я найду кров, пищу и выпивку. А главное — там меня ждёт Рудо.

Подходя к селению, я закатал рукава, обнажая знаки соколов — рисунки в виде соколиных крыльев, укрывающие кожу от локтей до запястий. Такие носят все шестеро гонцов-соколов, даже холёная красавица Пустельга, чтобы нас можно было безошибочно отличить от простых гонцов. Свои знаки мы получаем после посвящения — умираем людьми и взлетаем соколами — обычно зим в пятнадцать—шестнадцать. Я свои получил в одиннадцать. Приглашённый князем волхв искусно взрезал белую мальчишескую кожу и долго втирал в раны краску, чёрную, как глаза верховного водяного. Я тогда не проронил ни слезинки, только кусал до крови нижнюю губу. Потому что ещё раньше меня научили не бояться боли. А сдерживать слёзы я умел, кажется, с самого рождения.

Простой люд нас уважает — потому лучше сразу показать рисунки на руках, когдаходишь в деревню. Так скорее предложат тёплую комнату, отыщут лучшее пенное и сварят свежую похлёбку, сбавив цену, а то и вовсе дадут всё это бесплатно.

Едва я ступил на широкую укатанную ленту Тракта, на меня налетела мохнатая буря, едва не сбив с ног. Чудом устояв, я вытянул руки, пытаюсь обнять Рудо, но тот суетливо вилял толстым хвостом, как бестолковый щенок, и норовил лизнуть в лицо. Я обнял его за шею и прижался щекой к упрямому лбу. Рудо, Рудо, мой старьёй друг... В шерсти пса запутались тонкие ветки и сухие иголки, глаза смотрели устало, но он был цел.

Толстая шкура и густой мех надёжно защищали и от холодов, и от вражеского оружия, а от остального спасали клыкастая пасть, быстрые лапы и недюжинный ум. Да, я частенько звал его бестолковым, но любя: на самом деле иногда мне даже казалось, что Рудо — зачарованный человек, ну не может пёс быть таким сообразительным. Он и жил столько, сколько ни один пёс, но этому находилось объяснение: Рудо мой — из породы монфов, а у них кровь собачья смешана с медвежьей. Много сотен зим назад одна ворожея из Северного Холмогорья заколдовала своих охотничьих олек так, чтобы они могли давать потомство от огромных холмогорских медведиц. Так и пошла порода монфов — косматых лобастых псов ростом едва ли не с телёнка. В Холмогорье с ними и охотились, и ездили верхом, однако я единственный из соколов, кто предпочёл пса коню. Кто-то поговаривал, что это блажь, но я точно знал: нет чащи, в которой заплутает мой Рудо, нет кустов, из которых он не выпутается, и нет дичи, которую он не догонит.

— Кречет, Кречет!

Вмиг нас с Рудо облепила сельская ребятня. Мы для них были чем-то сродни героям из старых легенд — высокий рыжеватый мужчина с рисунками-крыльями на предплечьях да гигантский серо-коричневый монф. Мы могли быть совсем незаметными, когда того хотели, — прикидывались простыми путниками. Монфы в Княжествах не такая уж редкость, в крупных городах в базарные дни всегда можно купить себе щенка, хоть и не задёшево.

— Дай гостинец, Кречет!

— Подай, соколик!

Ко мне потянулись чумазые руки, блестящие глаза жадно пялились, высматривали каждую деталь облика: короткую бороду, связанные на затылке волосы, расчёпаннные от беготни по лесу, крашеную серьгу в ухе, замшевый шнурок на шее... Я достал из мешка кошелёк и сунул в каждую ребяческую руку по потёртому

медяку. Ребятня развизжалась пуще прежнего, я сухо улыбнулся и шугнул их, чтобы не докучали больше.

Мы прошли по улице к трактиру. Я был в Топоричке далеко не впервые и здание с красной вывеской мог найти даже с завязанными глазами. Да и вообще, когда достаточно путешествуешь по Княжествам, учишься за мгновение определять, где в селении трактир, где чистая изба для ночлега, где кузница и дом пекаря, а где можно найти знахаря, который продаст недостающее снадобье или зашьёт, если нужно, рану.

На нас с Рудо оглядывались, а мы и специально шагали медленно, посреди дороги, немного даже красуясь. Да, я устал и был встревожен, но хотелось доставить мальчикам удовольствие, пусть глазают и хвастаются родичам, мне не жалко. Двое грязных мальчишек вбежали в трактир вперёд нас, что-то голоса. Я ухмыльнулся: так даже скорее подготовят приём.

Так и оказалось. Навстречу вышел трактирщик — дородный, с пышными белыми усами. Я положил руку на голову Рудо, показывая, что пёс мне дорог.

— Устрой моего пса, отец, — вежливо попросил я трактирщика. — Не в конюшню и не на псарню. Положи мягкой соломки, угости кашей с мясом и налей свежей воды. В долгу не останусь.

Он покосился на Рудо с недоверием. Боялся монфа, что и немудрено: эти псы могут быть грозными стражами. Но Рудо махнул пушистым хвостом: не бойся, мол, человек. Не трону.

— Почту за честь, сударь Кречет, — промолвил трактирщик, осторожно взял пса за ошейник и повёл за ограду во двор.

Я ещё немного посмотрел им вслед — пёс не станет терпеть, если что-то будет ему не по нраву, огрызнётся или сбежит ко мне. Я успокоился и прошёл в трактир.

Внутри душно пахло едой: капустной похлёбкой, пирогами с дичью, хмельным пенным. Были и другие запахи: дыма, табака, пота и немых тел посетителей, которые шумными компаниями жались поближе

к очагу — вечерами уже холодало, пусть леса и стояли зелёные, пока не тронутые увяданием. Я и сам пах не лучшим образом, так что местные ароматы несколько меня не смущали. Скромно сев в углу, я ненавязчиво положил локти на стол: пусть разносчики и разносчицы видят соколиные крылья.

Тут же подскочила девка: круглолицая, светловолосая, поцелованная солнцем в обе румяные веснушчатые щеки.

— Брусничного пенного, — сразу попросил я. — и чего-нибудь поесть.

Разносчица ускакала и вернулась так быстро, что я даже не успел хорошенько разглядеть лица остальных посетителей. Передо мной появилась чарка пенного — такого ароматного, какое варят только в тех Княжествах, по которым тянется Великолесье. Лесовые следят, чтобы брусника урождалась крупная, с ноготь большого пальца, рдяная, как кровь, и горько-сладкая, как мёд. В обмен они просят всего ничего... Одно-то душу с села.

— Вечер добрый, соколик, — прощепетала девка, подсаживаясь ко мне. — Устал?

Я хмуро отпил пенного и придвинул к себе миску с заячьей похлёбкой. Девушка подвинула свой стул ещё ближе, ласково заглядывая мне в глаза.

— У нас и комнаты есть. Отдохни, соколик.

— Кречет, — буркнул я. Не люблю, когда всех соколов зовут одним именем. Мы все разные.

— А меня Летавой зовут, — обрадовалась девка, посчитав, наверное, что я склонен беседовать с ней. — Знаешь почему? Матушка моя летавицей настоящей была.

— Думается, ты врёшь, — сказал я так мягко, как только мог. Девка всё-таки была недурной, жалко обидеть, но и верить всем подряд небылицам нельзя. — Мы ведь не в Мостках, где люд с нечистецами привык путаться.

— Грубиян! — вспыхнула Летавица, но всё же не ушла. Посидела немного, молча понаблюдала, как я справляюсь с похлёбкой и пью пенное.

Я знал, что ей нужно от меня. Даже мог предугадать, что она скажет мне наутро. Будет проситься в княжий терем. Да только кто ж её возьмёт?

— Что ты делаешь у нас в Топоричке? — спросила она наконец, не совладав с любопытством. Прямо в глаза заглянула, а после пенного любая ещё краше, ещё румяней видится.

Руки у Летава были мягкие, полные — как я люблю. И волосы такие соломенные, обласканные летним солнцем. Ухмыльнулся ей — не улыбнулся доброй улыбкой, а лишь скривил губы, но девкам почему-то это нравилось, и заглянул в синие глаза.

— Пустой еду. Нет у меня ни княжьего письма, ни посылки. Ищу одного человека, а по пути спасаюсь от других людей, лихих.

Рассказывать ей всю правду я, конечно, не мог.

Глаза Летава по-детски зажглись, дрогнули рыжеватые ресницы.

— Ой как! — Она едва не захлопала в ладоши от радости. Да уж, видно, редко с ней соколы беседовали. — А кого ищешь? Вдруг знаю что, подсоблю.

Я искал знахаря. Того единственного знахаря, который был нужен моему князю. О нём нужно осторожно расспросить трактирщика. Трактирщика, но не молоденькую болтливую разносчицу. Не хватало ещё, чтобы она по глупости распустила какую-то молву о князе, которая, конечно, не может быть правдой.

Придвинулся к ней так, что почувствовал частое дыхание на своей шее, и тихо сказал:

— Может, тебя ищу, Летава-летавица.

Она ахнула и порывисто схватила меня за руку. Тут же смутилась, покраснела, но глаз не опустила. Значит, я не ошибся на её счёт.

— Веди в свои покои. Но учти: все настои у меня с собой.

— У меня свои тоже есть, — скромно прошелестела красавица и повела меня через весь зал к лестнице.

В таких трактирах часто бывает второй ярус с одной-двумя комнатушками для усталых путников. Нередко сами дочери трактирщиков предлагают своё приятное общество, а вырученные деньги относят отцам. Я не стал спрашивать у Летавы, дочь ли она усатому хозяину или простая наёмная разносчица. Какая разница? Красавица с таким благоговением взирала на мои рисунки-крылья, что я понимал: вероятно, денег с меня тут не попросят, но оставлю несколько монет за пристроенного Рудо, за угощение да за ночлег.

В комнатушке оказалась настоящая дубовая кровать с периной и пушистым одеялом — непривычное богатство для Холмоlessкого княжества. Если б не Летава, я бы зарылся под одеяло с головой да проспал бы до самой зари, но девка закрыла дверь на ключик и принялась расплетать медовую косу. Я снял с пояса мешочек и поставил перед Летавой пузырьёк с заговорённым настоем.

— Выпей прямо сейчас. Не хочу проблем, хоть ты и хороша собой.

Летава потупила взгляд и послушно взяла в руки пузырьёк.

— Выпью, Кречет. Ты умойся пока, вон таз с тёплой водой. Отец сам для тебя согрел.

Значит, я не ошибся и усатый трактирщик родитель Летаве.

Я умылся, снял верёвку, стягивающую волосы, и сел к Летаве, которая уже ждала на перине, так же скромно глядя на свои сложенные на коленях руки.

Едва ночная темень подёрнулась мутным молоком, глаза мои сами собой раскрылись. Я не привык долго спать, пусть даже тело ломило от усталости. Наверное, прошло всего два-три часа, потому что в Топоричек я прибыл уже затемно. Летава дремала рядом, доверчиво прижавшись щекой к моей груди. Я осторожно,

чтобы не разбудить, перекатился на бок, но дочка трактирщика зашевелилась и промолвила сонно:

— Возьми меня в терем княжий, соколик.

Я сделал вид, что ничего не слышал. Так и знал. С самого начала знал, что она это скажет. Даже и не припомню девки, которая не заводила бы поутру подобный разговор. Всех их, сельских да деревенских, манит сказочный княжий терем, которого они и в глаза-то никогда не видели. Думается им — соколы готовы всех любовниц туда приводить, чтобы им, красавицам, жилось там по-княжески. Но такого быть не может. Гонцы-соколы и сами подневольные, а князья не велят им заводить семьи, чтобы ничего не тяготило, не звало домой. Но красавицам кажется: всё это блажь, врут всё гонцы, чтобы жалели их да хмельным угощали.

Я оделся и проверил оружие. Всё на месте. Из поясных сумок не пропало ни единого сухого кусочка лисьедуха, ни одного целебного листочка и ни единой монеты. Стало быть, могу двигаться дальше, только Рудо нужно забрать.

Было слышно, как позади Летава ворочается на перине.

— Ну возьми, Кречет! — в голосе уже слышалась мольба. — Неужто я плохой подругой тебе была?

— Хорошей, — ответил я и обернулся. В нежных сумерках заспанное лицо Летавы было милым и жемчужно-розовым, как лепесток водяной лилии. — Но в терем тебе нельзя.

Летава недовольно сдвинула брови и свесила с кровати красивые белые ноги. Подошла ко мне в одном исподнем и обняла сзади, приникла тёплым мягким телом.

— Тогда другое для меня сделай, Кречет. Ты с лесовыми ведь дружишь?

Не можешь получить с овцы целую шкуру — отщипни хотя бы клочок. Легко же ты, Летавушка, попрощалась с жизнью в княжьих покоях. И не чаяла, стало быть, просто так болтала — вдруг получилось бы.

— С кем-то вожусь. С другими не дружу, но и не враждую.

Она не уточнила, о каком именно лесовом завела речь. Здешними краями заведовал Смарагдель — один из четырёх Великолесских лесовых. Вот он-то был мне другом. Вторым после Рудо. Только я не собирался тревожить Смарагделя из-за почти незнакомой румяной девицы.

Летава дыхла мне в шею, так жарко, что по спине побежали мурашки. Я замер. Интересно же, что этой плутовке надо.

— Замолви словечко, Кречет, миленький. Попроси не взимать дань в этом году. Или пусть корову возьмёт, ну или коня, только не братика моего.

Так вот оно что. Я повернулся и ласково убрал мягкую соломенную прядь Летава за ухо. Она умоляюще смотрела на меня синими глазами, почти чёрными в серой мути сумерек. Полные губы были приоткрыты, и у меня мелькнула мысль что, не будь я соколом, на такой девице можно было бы и жениться. Но никому нет пути назад из соколей жизни.

— Не могу ничего обещать.

Летава будто бы не знала, что делать — сердиться или бросаться в ноги и молить дальше.

— Соколик, Молеко слабенький совсем! Отец не сможет без него. Он на матушку так похож.

— На летавицу? — хмыкнул я.

— Так разные у нас матери, — потупилась Летава и отошла от меня.

Удивительно, но у меня что-то кольнуло в груди.

— Так если слабенький твой Молеко, какой отцу в нём прок?

Сказал и пожалел. Летава ушла в дальний угол и стала заплетать волосы, собираться.

Так было испокон веку, и кто я такой, чтобы просить нарушить заведённый порядок? Селяне, чьи дома теснились вдоль Трактов посреди Великолесья, должны каждый год платить лесовым за защиту и милосер-

дие. Лесовой и чужаков отпугнёт, и дичь на охотника погонит, а мог бы осерчать за то, что в его владения вторглись да домов из его деревьев понастроили. За то лесовой просил плату: по невинной душе в год с каждого селения. Над чьим изголовьем зажжётся огонёк в макушку лета, тот, значит, избран лесовым и в урочный день должен уйти в лес, чтобы никогда не вернуться к родным, позабыть всё, сменить облик и примкнуть к стаям лешачат, носиться по чащам и выполнять мелкие поручения своих покровителей.

Я услышал, как Летава шмыгает носом. Видно, давно ждала сокола, чтобы за брата попросить. Но не я был виноват. Никто не согласился бы. С нечистецами трудно выстроить отношения, но легко разрушить. Я не хотел портить нашу дружбу со Смарагделем из-за незнакомого сельского мальчика. Если избрал тебя лесовой, зажжёт огонёк, то можешь пытаться сколько угодно, но не развязать тебе ниточки судьбы, не свернуть с дороги. Господин Дорог и Владычица Яви позаботятся о том, чтобы всё было так, как суждено.

— Не держи на меня зла, Летава, — попытался утешить. — И себя не вини, что не того сокола попросила. Мы все такие.

— Глаза у тебя — как льда куски, — зло бросила мне Летава, вытерев рукавом нос. — И душа такая же.

Я молча согласился с ней. Права красавица Летава, нет во мне ни сочувствия, ни милости.

Пошарил в кошельке и положил, не глядя, несколько монет на стол. И увидел свой пузырьёк, который давал Летаве накануне. Такой же полный, каким он и был.

— Я не выпила, — с ядом в голосе призналась девушка. — Понесу от тебя, тогда точно в терем возьмёшь.

— Найди меня сначала, глупая. — Я сгрёб пузырьёк, распахнул окно и выскочил на крышу трактирского крыльца, а оттуда спрыгнул во двор, за Рудо.

Не хотел, чтобы внизу меня встретил трактирщик. Пусть Летава бежит и жалуется ему, только пока расскажет, мы с Рудо ускачем уже далеко от Топоричка. А о знахаре других расспрошу.

Глава 2 ШТИЛЬ И ШТОРМ

Её нашли на берегу — мёртвую и прекрасную, как январские сумерки. Светлые волосы спутались, разметались по берегу, и ветки прибрежных кустов запустили в них свои костлявые пальцы, будто хотели взять себе на память кусочек холодной красоты. Её губы когда-то были алыми, но теперь их подёрнула безжизненная синь. На груди под тонким прозрачным платьем чернели страшные глубокие язвы.

Её нашли на берегу, так сказали Ниму. И он даже видел её неподвижное спокойное лицо — мельком, издали, и ему тогда казалось, будто он подглядывает за спящей или больной, и от этого становилось чуточку стыдно.

Потом, когда её предали чёрной земле, кто-то на их улице сошёл с ума. Какой-то старик спятил, и он не был ни родственником, ни другом погибшей. Люди стали покидать деревню, боясь стать такими же безумными, как тощий бородатый сосед. Времена тогда стояли беспокойные, то и дело доходили слухи о целых деревнях спятивших, и никто не хотел повторить их участь. Хворь дошла из Княжеств до Перешейка, и оттуда люди устремились в Царство, дальше на юг, дальше от безумства и уродств, которые приносила болезнь.

Так Ним с родителями оказались в Стезеле, где он и прожил почти всю свою жизнь. Про мёртвую девушку и сумасшедшего старика он почти забыл, но так ему лишь казалось. Раз уж видел что-то, это останется с тобой навсегда. Осядет слоем пыли в дальнем углу памяти, а потом нет-нет да и всплывёт: во сне или просто так, взбудораженное чем-то случайным, взбаламученное со дна.

Ним внезапно вспомнил о мёртвой, когда увидел на площади у Зольмарской пристани попрошайку —

у неё были такие же синие губы и язвы на шее, похожие на раны той незнакомки, полузабытой и давно погребённой.

Ним передёрнул плечами и отвернулся, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Чтобы отвлечься, он зашагал к торговым рядам.

Зазывалы громко расхваливали товары, приглашали в лавки. До отплытия ещё оставалось время, а лотчники манили ароматами пирогов и пряников. Ним вынул из котомки книжку, сшитую из чистых пергаментных листов, и угольный карандаш. Позади торговых рядов возвышалось святилище Золотого Отца — как водится, с круглыми золочёными куполами, даже в хмурый день сияющими в небе румяными луковицами. Ним зашуршал углём по пергаменту, изображая величавый силуэт святилища, и посетовал, что у него не было с собой красок, а то он заштриховал бы небо серым, а луковки куполов окрасил бы рдяно-золотым, таким чудесным цветом, каким наливаются сладкие поздние яблоки. Ничего, скоро у него будет столько красок, сколько он посмеет пожелать.

Вокруг мельтешил простой люд, собравшийся на торг. Быстро разлетались пироги, булочки, сладкие булочки в виде птиц, сахарные петушки на палочках и глазированные пряники в виде святилищных куполов. Подальше, ближе к пристани, расположились торговцы рыбой и морскими гадами, и там стояла солёная рыбная вонь, от которой Нима начинало мутить, и он с ужасом представлял, что такой запах, вероятно, будет преследовать его во время всего далёкого морского пути.

Дорога страшила Нима, но больше страшили Княжества, куда ему предстояло отправиться. Говаривали, там творятся страшные вещи — даже после того, как оттуда ушла Морь. Земли кишат нечистецами, злобными существами, застрявшими где-то между жизнью и смертью, не людьми, но и не зверями... Когда-то давно и в Царстве встречались нечистецы, но Золотой Отец

загнал тварей далеко на север, в сумрачные леса да студёные реки. Серебряная Мать тогда разгневалась, и они с Золотым Отцом долго гоняли друг друга по небосводу, а на земле мелькали день и ночь, сменяя друг друга по сотне раз за сутки.

Солоноводное княжество, наряду со Средимирным, считалось самым развитым и безопасным. Пожалуй, даже более безопасным, чем Средимирное, — по землям Солоноводного не тянулись дремучие леса, по которым рыскали лесовые, охочие до людских душ. Говорили, даже реки в Солоноводном были солёные, непригодные для жизни, и можно не бояться, что мавка или её покровитель-водяной затащат на каменистое дно, свяжут руки водорослями, а рот набьют склизкой тиной.

Кроме того, воды между Солоноводным княжеством и Царством непрестанно бороздили торговые суда. Из Царства везли ткани, пряности и сладкие сушёные плоды, из Солоноводного — меха, соль, мочёные ягоды и терпкий тёмный мёд. А ещё суда охотно брали попутчиков. За монеты, разумеется. Отец Нима подсутелся, договорился с капитаном, который готовился везти в Солоноводное торговцев и нагрузил судно сушёной хурмой, персиками и мелким сморщенным изюмом. Молодой черноволосый капитан согласился взять на борт юношу, а когда узнал, что тот собирается поступать в ученичество, да ещё и к художнику, в прославленное Солоноводное учебное святилище, — вовсе сбавил цену вдвое.

Путь предстоял не то чтобы долгий — месяц даже не успеет налиться полным ликом Серебряной Матери и пойдёт на убыль. Но Ниму было боязно впервые покидать родные земли, расставаться с семьёй и начинать новый путь.

Ним подрисовал ажурную лепнину и поставил в углу листа свои инициалы: *Н.Ш. – Нимус Штиль*. На него уже стали косо поглядывать лоточники. Странный парень, ничего не покупает, только пергамент

рисунками пачкает. Ним устоял перед искушением и не купил даже сахарного петушка, ведь деньги ещё пригодятся в Солоноводном, глупо растрачивать их на торжище. Он убрал книжку с карандашом и зашагал к пристани, стараясь не обращать внимания на сгущающийся вокруг него запах рыбы.

Первые два дня плавания дались Ниму тяжело. Отец предупреждал о коварстве морской болезни, терзающей даже привычных к водным путешествиям так жестоко, что порой забирала их души. Матушка нашла Ниму подушечек с нюхательными солями и со слезами на глазах просила почаще вдыхать ароматы, чтобы прогонять дурноту. Ним горячо пообещал ей всеми силами бороться с корабельным недугом и поклялся тут же по прибытии отправить письмо домой.

Пока судно готовилось к отправлению, Ним рисовал в книжке очертания города и стоящие на якорях корабли и долго не замечал, что ему через плечо заглядывает незнакомец.

27

— Красиво как, — вздохнул юноша, и Ним вздрогнул, черкнув грифелем через рисунок. — Я так не могу.

Ним с недовольным видом повернулся к чужаку. Тот был высок, тонок и темноволос, а в светло-карих глазах плескалось что-то похожее на зависть.

— Не всем дано, — напыщенно хмыкнул Ним.

Хоть ему не нравилось, когда за его работой подглядывали исподтишка, но от похвалы по лицу всегда невольно расплзлась улыбка.

Ним как бы невзначай перелистнул страницу, показывая зарисовку святилища, которой он гордился.

— Научи меня, — выпалил незнакомец. — Пожалуйста. Я только буквы рисовать умею, ну, имя своё чтоб писать.

— Я и сам не вполне научен, — буркнул Ним в ответ. — Плыву поступать в ученичество. Слышал про

Солоноводное учебное святилище? Оно даже краше, чем Зольмарское в Царстве. Там ценят искусства и ремёсла, ходит молва, что в Княжествах обучают куда тщательнее, чем у нас.

— Чему же ещё учить, раз тебя так карандаш слушается... — вздохнул юноша. — А чудно, да? Княжеские земли дикие, а святилище-то красоте всякой учит.

Ним с ложной скромностью пожал плечами и добавил на почти законченный рисунок несколько уверенных штрихов, умело скрывая неверную чёрную линию, возникшую оттого, что дёрнулась рука.

— Буду писать великие картины. Не карандашом по пергаменту — цветными красками по холсту и доскам. Смогу писать людей так, что от отражения в зеркале не отличишь.

— Значит, нам выгодно стать друзьями, — улыбнулся юноша. — Я — Фелдо Кихс. Сын торговца, что везёт сушёные фрукты на этом судне. Напишешь когда-нибудь мой портрет?

— Нимус Штиль. — Ним пожал протянутую руку Фелдо и высокомерно добавил: — Тебе выгодно стать моим другом. А насчёт собственной выгоды я пока не уверен. Но готов выслушать твои предложения.

Едва судно набрало ход, расправило серые крылья-паруса и закачалось на волнах, Нима скрутила такая немочь, что он забился в свою тесную каюту, лишь бы не видеть, как горизонт клонится то влево, то вправо, не давая взгляду отдыха.

Фелдо таскал Ниму еду, но того непрестанно тошнило, а от матушкиных солей только сильнее болела голова, и единственное, что мог есть Ним, — это подсохшие корки серого хлеба, запивая их холодной водой.

— Долго ли ещё плыть, Фелдо? — со страданием в голосе спрашивал Ним, когда сын торговца прино-

сил ему очередной обед, которому снова суждено было остаться нетронутым.

— Всё по милости Морского Хозяина, — разводил руками Фелдо. — Если он благоволит судну, если ему по нраву наш товар, то может доставить всего за половину оборота Серебряной Матери. Если нет — можем долго бултыхаться.

Ним застонал и распластался на спальном месте.

— Мы угостили его, — подал голос Фелдо после минуты неловкого молчания. — Фрукты недолго плавали на поверхности, почти сразу пошли на дно. Значит, понравился дар. Отец говорит, волны нам помогают, а ветер непрестанно надувает паруса. Это хорошо, Ним. Скоро ты привыкнешь и будешь гулять по палубе, вглядываясь вдаль. Первым увидишь берег, Ним. Давай, вставай. — Фелдо шагнул к Ниму и схватил его за руку, пытаясь стащить с места. — Попробуй походить. Наверху солёный ветер освежит лицо, глаза порадуются морскому простору. Пошли, сходишь к отцу, он угостит тебя персиками, на вкус они — что ранний весенний мёд. Хватит лежать.

Ним вяло сопротивлялся, но всё-таки позволил поставить себя на ноги. В самом деле, качка хоть и донимала по-прежнему, заставляя голову трещать от боли, а желудок — корчиться мерзкими спазмами, он рассудил, что ему вряд ли может стать хуже. Фелдо забросил руку Нима себе на плечо, и они побрели к выходу из полутёмной каюты.

Ним ошибся. Его мгновенно скрутило, едва он увидел, как серый горизонт раскачивается, будто в пьяной пляске. Он едва добежал до борта и согнулся, безуспешно корчась и выплёвывая лишь проглоченную воду. Ним утёр рот тыльной стороной ладони и поднял голову. Впереди — лишь морская гладь, рябящая серебряным блеском, а над ней — набрякшие чернотой тучи.

— Недоброе небо, — посетовал Фелдо.

По палубе сновали матросы, и, обернувшись, Ним заметил, что серые паруса спущены. На помосте гро-

моздились бочки с товаром, не поместившиеся в трюмы, и моряки спешно проверяли крепления на случай бури.

Ветер налетел внезапно — лихой и дикий, страшный, такой, какого Ним никогда не знал в Царстве. Небо вмиг почернело, словно обуглилось, море вздыбилось горбами волн, и судно стало раскачиваться сильнее и сильнее, будто решило сбросить с себя весь груз и людей, словно блох.

— Ним, пошли отсюда! — крикнул Фелдо. Его голос потонул в криках команды и шуме волн. — Штормить начинается.

Он потянул Нима за рукав, но тот не смог сдвинуться с места. Жуткая чернота неба очаровывала, приковывала взгляд к себе, и ноги отказывались слушаться. Наверху раскатисто зарычал гром, гулкий и низкий, и казалось, будто звук проникает сразу в голову, чтобы одурманить и позвать за собой.

Судно сильно трянуло, что-то затрещало так, что заглушило даже раскат грома, и Ним почувствовал, как его тащит вниз. Вокруг резко стемнело, будто на мир набросили плотное одеяло, а на реях мачт вдруг засияли огни, резвыми светляками пробегая по дереву. С неба хлынул ледяной дождь, корабль начал заваливаться на бок, сбрасывая с мокрой палубы матросов, и Ним с криком покотился навстречу лютой воде.

Его тут же с головой накрыло волнами, воздух выдавило из груди, всё тело пронзило острым холодом. Он забарахтался, силясь вынырнуть на поверхность, но в воду падали катящиеся с палубы бочки, теряя крышки и разбрасывая сушёные фрукты. Нима больно лягнул по рёбрам кто-то из команды, и он судорожно ухватился за ноги матроса, чтобы не уйти ещё глубже. В висках стучало потрясение; страх и холод стиснули внутренности крепкими кандалами. Ним уже приготовился к тому, что эти мгновения — последние и он никогда не доберётся до Княжеств и не вернётся назад, к матери и отцу.

В следующий миг Ним почувствовал, как его схватили за шиворот и потянули наверх. Он вскинул голову, с хрипами втягивая в себя воздух и отплёвываясь от солёной воды. Кругом плавали бочки, сталкиваясь на волнах деревянными боками и мешая людям выбраться на поверхность. Матрос, вытащивший Нима, теперь сам ушёл под воду, и над его головой сомкнулись волны с размокшими сухофруктами. Ним ухватился за край пустой бочки и изо всех сил старался не перевернуться. Это было сложно: огромные волны накатывали одна за другой, то утягивая вниз, то подбрасывая вверх, бушевал ливень, и всё вокруг сливалось в сплошное тёмно-серое море, так, что нельзя было различить, где небо переходит в море.

Когда Ним мог разлепить глаза, заливаемые водой, он пытался найти Фелдо или капитана, но ему не удалось различить знакомых среди одинаково напуганных и отчаявшихся лиц. Он крикнул, но закашлялся. Громыхали волны, стонало небо, кричали и отхаркивались люди, трещало дерево корабля, который уже лежал на боку и всё сильнее кренился, грозя окончательно перевернуться кверху брюхом. Нима на его бочке относил волнами всё дальше и дальше, как ни старался он развернуться и держаться ближе к остальным.

По мачтам снова пробежали огни, будто судно колотила предсмертная лихорадка. Паруса распластались по воде, похожие на крылья подбитой птицы, и те несчастные, кому не повезло оказаться под тяжёлыми полотнищами, уже не могли выбраться на поверхность.

Никому не было дела до Нима, увлекаемого волнами в царство Морского Хозяина. К боку бочки приблизил обломанную доску, и Ним, собрав все силы, уцепился за неё. Вовремя: его с головой накрыло очередной волной, но доску хотя бы не крутило так сильно, как бочку.

Затрещав, корабль медленно перевернулся килем кверху, погребя под собой большую часть команды.

Волны били по его бокам, и судно начало медленно погружаться под воду.

— Фелдо! — крикнул Ним, почти не слыша собственного голоса. — Фе-ел...

Новая волна высотой со святилище накрыла его с головой, поглотила серым мраком и могильным холодом.

Ним не мог понять, сколько часов или дней провёл в забытьи. Он с трудом разлепил опухшие веки. Над головой нависало по-прежнему серое небо, но уже не пучившееся тучами, а побледневшее и поднявшееся. Ним попытался пошевелиться и проверить, целы ли кости. Всё тело будто одеревенело, ноги и руки не слушались, мышцы противно ныли. Но спиной он ощущал твёрдую землю. Его больше не качало, а изорванная одежда вроде бы успела высохнуть.

Грудь сдавило спазмом, и изо рта хлынул поток солёной воды. Ним с трудом перевернулся на бок, заходясь в кашле. Рёбра прострелила боль, но всё-таки Ним был рад: он жив.

Море успокоилось, безмятежная рябь серебристых волн не казалась сколько-нибудь опасной, и с трудом верилось, что ещё недавно эти самые волны погубили целое торговое судно. Ним повернул голову, не обращая внимания на стучащую боль в висках. Он лежал на каменистом берегу, а чуть поодаль темнел перелесок, состоящий из молодых елей и осин.

Ним ощупал свои руки и ноги — на первый взгляд они остались целы, только с правой стороны одно из рёбер болезненно отозвалось на прикосновение.

Язык распух и присох к нёбу, в животе тянуло от голода. Ним с трудом поднялся, прижав руку к больному месту. Голова тут же закружилась, в глазах потемнело, но он рассудил, что не может и дальше просто лежать на голых камнях. Может, удастся отыскать ру-

чей и напиться, а если нет, то после грозы на земле и среди камней блестели лужи — сойдёт на худой конец.

Каменистое побережье и лес выглядели совершенно дикими, и не было похоже, что поблизости когда-либо жили люди. Нима начала бить крупная дрожь от усталости, холода и страха. На его счастье, действительно неподалёку бил ключ — совсем тоненький и слабый, но его хватило, чтобы напиться и умыться.

— Как это глупо: выжить в такую бурю и погибнуть в глухом лесу, — буркнул Ним, стараясь хоть как-то себя приободрить. Холодные капли стекали по шее под рубаху. — Если Морской Хозяин меня пощадил, может, и лесные твари помилуют?

Ним сделал шаг на нетвёрдых ногах. Сгущались сумерки, и ему было отчаянно страшно от мысли, что придётся провести ночь в тёмном лесу. Кто знает, на сколько вёрст тянется эта чаща? Кто скажет, что за чудовища встретятся ему там? Но вряд ли будет благоразумнее остаться на пустынном берегу. Отец говорил, что лес может спрятать и прокормить, если вежливо попросить его об этом. Ним и сам помнил, как приносил домой корзины, полные нагретых солнцем ягод и золотистых орехов, когда они с семьёй ещё жили в селении на Перешейке. Только их лес был светлым и приветливым, а здесь даже хилые молодые ёлки так яростно цеплялись друг за друга кривыми веточками, будто во что бы то ни стало не хотели пускать чужаков на свои земли.

Ним нарисовал пальцами у себя на груди круг — защиту Золотого Отца, а потом, подумав, добавил ещё и треугольник Серебряной Матери. Сумерки — странное время, никогда не знаешь, кому лучше помолиться.

Ним хмыкнул: он никогда не верил в Господина Дорог, но знал, что здесь, в Княжествах, у него часто просят благословения. Просить помощи у того, в кого не веришь, — удел трусов и сдавшихся. Трусом Ним никогда себя не считал, но допускал, что скоро может сдаться.

Он пригнул голову и шагнул под хвойные лапы. Ним где-то слышал, что лесовые не тронут, если вывернуть одежду наизнанку, а левый ботинок надеть на правую ногу, но не стал ничего делать. Обувь он потерял почти сразу, оказавшись в воде, а от одежды остались грязные лохмотья, которые наверняка развалились бы на части, если бы он попытался их снять.

В лесу сумерки становились гуще, чем на побережье, и Ним держал руки на уровне лица, чтобы ветки не хлестали по глазам. Временами его начинал душить самый чёрный страх, в собственном дыхании и шорохе своих шагов ему чудились голоса нечистотей, в мутно поблёскивающих каплях росы виделись глаза чудищ, а каждая тень казалась затаившимся лесным зверем.

Силы стремительно таяли. Ним осознал, что двигался по наитию, заставляя идти вперёд молящее об отдыхе тело, и каждый следующий шаг давался ему так тяжело, как не давалось ничего в жизни.

Без денег, без вещей, почти без одежды, один в чужих неизвестных землях, далеко от дома и от учебного святилища, которое должно было стать конечной точкой пути. Что это за княжество? И княжество ли? В Солонководном не должно быть таких лесов, тем более у самого берега. Что, если волны вынесли его на крошечный безымянный островок, вроде тех, какие никогда не обозначались на картах? А может, он вернулся в Царство? На Перешеек? Или, что совсем худо, его занесло в Мостки?

Ним зажмурился, прогоняя страшные видения, и отчаянно ломанулся сквозь подлесок. Над головой выплыл бледный лик Серебряной Матери, и Ним снова обрисовал пальцами треугольник на груди, прося защиты у ночной покровительницы.

Впереди вдруг что-то зазвучало. Не шорохом листвы и не треском ломаемых веток, даже не вздохами ветра и не криками сов. Ниму показалось, что там слышатся людские голоса, и он, раздвигая ветки, двинулся на звуки.

Нога соскользнула по влажной земле, Ним замер у края оврага. Впереди виднелись огни, и, приглядевшись, Ним различил очертания приземистых домов из посеревших брёвен, костры и... пляшущих просто-волосых женщин.

Обнажённые женщины дико вскидывали руки к небу, высоко задирали ноги, сплетались хороводами, толкали друг друга бледными телами и пели на разные голоса. Казалось, будто каждая из них – от самой юной девушки до древней седой старухи – тянет свою собственную песню, непохожую на остальные. Таких песен не пели в Царстве. Ним сразу позабыл о жуткой усталости, о голоде и боли, привалился боком к старой, поросшей грибами и мхом осине и затих, прислушиваясь.

Эта песня отнюдь не была той, под которую хочется пуститься в пляс. И не той, какую будешь вспоминать во время застолий. Голоса женщин звучали резко, горланно, музыкой им служил топот босых ног по твёрдой земле, а странные движения наводили на мысли о безумстве певуний. От костров тянулся мерклый сизо-белый дым, окутывал деревеньку и лес, и от него пахло чем-то едким, непохожим на обычный дым костров.

Ним не понимал, радоваться находке или пугаться. С одной стороны, он и не надеялся так быстро выйти на человеческое жилище, а с другой... Что, если эти женщины – жёны лесовых? Что, если они – русалки? Что делать, если он окажется прямо в когтях нечистей?

Ниму не удалось додумать. Измождение взяло верх, он тяжело опустился на мшистую подстилку, глаза сами собой закрылись, и его снова накрыло серой непроглядной мглой – между сном и тяжёлым забытьём.

Глава 3 ЛЕШАЧОНОК

Главное для любого сокола — не привязываться ни к кому. Ни к кому, кроме своего князя. Было несложно выполнять это правило, я и не знал, каково это: служить человеку не за золото, не в уплату долга, а просто так, по велению сердца. Только других соколов, может, и считал за братьев и сестру, но никогда не спрашивал себя, насколько верен им. Да и братство это было скорее вынужденным, как связи с дальними родственниками, когда люди видятся лишь по поводу чьих-то свадеб или поминок.

Наверное, правы были те девки, которые говорили, что вместо сердца у меня — ледяной камень со дна Русальего озера. Я и не думал их переубеждать, пусть пересказывают друг другу байки про Кречета, да не смеют предлагать ему свою преданную любовь.

Но с тех пор, как захворал княжич, что-то во мне переменялось. Стало беспокойно, и теперь я даже не мог понять, отчего так отчаянно пытаюсь найти знахаря: по приказу ли княжескому или по собственной нужде?

Княжич Видогост всегда мне нравился. Мальчику едва стукнуло семь зим, но он не был докучливым, как другие дети, а рос рассудительным и серьёзным, сразу видно — будущий верховный князь. Даже Рудо разрешал Видогосту играть с собой и резвился, как щенок, когда мальчишка кидал ему палку. Мне бы не хотелось, чтобы Видогоста забрала хворь.

Я много спрашивал о знахаре, волхве волхвов. И в окрестностях Топоричка, и дальше — в Овражке, в Липоцвете. Никто давно уже его не видал.

Князю не нужны были ни другие знахари, ни волхвы, ни ворожеи. Только он, тот самый, который не имеет ни имени, ни дома и найти которого сложнее, чем лисьедухов цвет в ночь на Круговорот. Отыскать-то его непросто, но мне по плечу, как я думал.

Когда князю нужно быстрее доставить весть или посылку, мы с Рудо мчимся напрямик, и нас не волнует, что впереди: непролазная ли чаща, глубокое ли озеро или шустрые реки. Нас везде знают и даже помогут дети Серебряной Матери — нечистецы. Но сейчас наш путь пролегал по Тракту, петлял между городов и селений, и общаться нужно было с людьми, детищами Золотого Отца.

По-моему, это куда хуже.

Люди хитрые, может, даже хитрее нечистецей. И уж точно глупее. Там, где лесовой смолчит, усмехнётся, растает меж зелёных ветвей, человек схватится за топор и полезет в драку. Порой я сознательно пускал Рудо по глухим тропкам в обход деревень, чтобы не связываться с грубыми любопытными селянами, но в этот раз без людей мне не справиться.

Расположение селений вдоль Тракта я помнил наизусть, а простые путники и обычные гонцы могли определить их близость по запаху. Если свежий лесной дух становится остро приправлен дымом — значит, недалеко очаги и горячая пища. Но в этот раз, подъезжая к Арчовушку, я почуял не добрый дым домашних печей, томящих в каменных чревах супы и пироги, а горький смрад погребального костра. У Рудо шерсть на загривке встала дыбом: пёс тоже почуял смерть.

Я похлопал Рудо по боку, он сбавил скорость, позволяя мне спешиться. Маслянистый дым ещё висел у еловых вершин, мягко окутав колючие ветви, но запах был выветрившимся, полумёртвым. Впереди я увидел невысокую ограду, за ней — пасущихся чёрных коз. Чуть дальше из леса выступали потемневшие от времени избы, и выглядели они так, словно когда-то давно сами вышли из чащи на своих ногах, а потом осели на землю, вросли в траву и позабыли, что раньше умели ходить.

— Спросим быстро о знахаре, если никто не видел его, поскачем к Смарагделю, — шепнул я в мохнатое пёсье ухо.

Навстречу выскочила целая свора олек — небольших охотничьих собак с туго закрученными в кольца хвостами. Они подняли звонкий брѣх, скакали вокруг Рудо, щёлкая зубами и не решаясь подойти ближе. Мой статный монф гордо прошагал мимо, не удостоив их даже взглядом.

На шум, поднятый ольками, вышли местные — трое мужчин и несколько мальчишек, жадно глядящих на нас и перешёптывающихся. Самый старший из мужчин прикрикнул на собак, и те разбежались, опустив хвосты.

— А князь нам подарков не прислал? — выпалил шустрый патлатый малец. Высокий бледный юноша — должно быть, брат — одёрнул наглеца.

— У князя нет для вас поручений и новостей, — произнёс я. — Только один вопрос, на который ответит ваш староста, если отведёте меня к нему.

Старший, прогнавший собак, приблизился ко мне и протянул руку.

— Я староста. Теремир. Спрашивай прямо тут, сударь Кречет. Видно, ты спешишь.

Мне не понравился ни его тон, ни его слова.

— Что, Теремир, даже не поднесёшь соколу калача с пенным? Или у вас всегда так встречают гостей?

Мужчина с длинной каштановой бородой тронул Теремира за плечо, словно хотел что-то ему подсказать, но староста покачал головой и прямо взглянул на меня: непреклонно, уверенно. Я люблю такие взгляды, в которых сразу читаются и сила, и ум. Может, я лично чем-то насолил Теремиру, а может, у него другие причины не жаловать гостей.

— Не ходи лучше, Кречет. Поберегись. Только сегодня захоронили хворого, разнесёшь ещё мор по округе.

— Так что же, знахари не помогли вашему хворому?

Теремир склонил голову.

— Не все напасти лечат знахари. От того, что унесло Мерега, нет ни припарок, ни снадобий.

Я ощутил холодок в груди. Неужели несчастного унесло то же, что мучит княжича Видогоста? И, раз

уж больной Мерег ушёл, великого знахаря тут вряд ли видели. Я постарался сделать так, чтобы ни одна тревожная мысль не отразилась на моём лице, и нарочито нагло ухмыльнулся.

— Есть один знахарь, пастырь всех знахарей. Разве ты, Теремир, не мог пригласить его для своего Мереха?

Спутники Теремира сурово переглянулись. Не будь я соколом, схватили бы за шиворот и отучили бы дерзить сельским старостам. Рудо рыкнул, будто невзначай, мальцы отскочили подальше, не сводя с нас любопытных взглядов, а ольки снова залились звонким лаем.

— Искать того знахаря — всё равно что ловить ветер ситом, — холодно ответил староста. — Ты не можешь не знать того, что он сам приходит туда, куда хочет, и нельзя его ни позвать, ни приманить.

Что ж, очевидно, мой волхв здесь не появлялся. Я и не надеялся так скоро его найти, но всё равно ощутил разочарование.

Рудо дёрнул ушами, прислушиваясь, и до меня тоже донёлся какой-то звук. Мальцы тут же насторожились, забыв про нас с псом, и бросились обратно в деревню, на шум. Крепкий длинноволосый юноша подбежал к Теремиру и зашептал что-то старосте на ухо, подозрительно поглядывая в мою сторону. Теремир кивнул, отослал юношу и махнул мне рукой:

— Коли не боишься хворей, проходи, Кречет. Наш кабак напоит тебя, а в мыльне отдохнёшь. Меня зовут дела.

Я качнул головой.

— Не боюсь, если твои люди окурили улицы и дома.

Теремир обернулся через плечо, взглянув на меня с неприязнью.

Минуло десять зим с тех пор, как моровое поверие выпустило Княжества из своих когтей. С тех пор в городах и сёлах осталась привычка окуривать дома можжевельником и пахучими маслами после каждой смерти. Во время Мори это едва ли помогало, но всё же знахари убедили люд, что смолистые запахи укрепляют тело и дух и прогоняют первые слабые призна-

ки болезни. Своим дерзким словом я мог оскорбить Теремира, но мне не было дела до обид сельского старосты. Хуже ко мне относиться не станут, знают, что я сижу за одним столом с князем Страстогором в тереме, а ссориться с верховным князем нигде не решатся.

Внезапно я услышал, как кто-то истошно вопит: пронзительно, срывая голос. Так не кричат по пустякам, это был полный отчаяния вопль попавшего в беду. Мне стало любопытно.

— Поймай нам что-нибудь на ужин, — попросил я Рудо. — Охоться. Я скоро позову. Не будем тут задерживаться, поедим в пути.

Пёс лизнул меня в руку и с готовностью помчался в лес, а я отправился туда, откуда доносился крик. Вопль повторился, и я расслышал грубые голоса и недобрый смех.

— Что там происходит? — спросил я паренька, спешащего туда же, к центру селения.

— Поймали вора, — возбуждённо ответил парнишка. Его глаза блестели в предчувствии развлечения.

Я поморщился. С ворами в деревнях никогда не церемонились. Если видишь в деревне или на Тракте хромого, припадающего на левую ногу, — скорее всего, перед тобой однажды пойманный вор. Тем, кто попался на воровстве, отрубали большой палец на левой ноге. Отучали присваивать чужое и ставили метку: раз хромает, значит, промышлял недобрым, будь с ним осторожнее. Конечно, многие со временем учились ходить как прежде, но иным не везло, и рана загнивала, тогда приходилось отнимать стопу выше, а то и по колено — кому как отмерит Владычица Яви.

Я увидел отблески высокого костра и людей, собравшихся вокруг. Это показалось странным: погребальные костры не жгли на деревенских площадях.

Растолкав толпу, я протиснулся в первый ряд. В лицо дохнуло жаром пламени. Сельские мужчины подкидывали дров, отчего целые стаи алых искр взлетали к самому небу.

— Вы собираетесь сжечь вора? — недоумённо спросил я у старухи, жадно взирающей на неистовствующий огонь.

Она посмотрела на меня как на несмышлёного юнца.

— То не просто вор, — ответила старуха. — То меченый.

— Что с того?

По дорогам Княжеств бродит множество меченых — выживших после страшного мора. Болезнь оставила следы на их телах. Уродства. Их гнали только поначалу, когда думали, что они могут принести новый мор. Постепенно к меченым привыкли, но всё же не допускали до привычных занятий и не любили, чтобы они селились в деревнях. Сжигать несчастного заживо за то, что он выглядит не так, как другие, — дикарская затея.

Я выпрямился во весь рост и сложил руки на груди, зная, что выгляжу довольно устрашающе. Это не моё дело, но отчего-то захотелось вмешаться. Было ли это решение происками Господина Дорог, которому понадобилось попутать нить моего пути? Не знаю. Но всё сложилось именно так, как сложилось.

41

Двое селян выволокли к костру грязного тощего юнца, который извивался и визжал так, что закладывало уши. Мальчишка был совсем мелкий и костлявый, непонятно, откуда у него взялось столько сил: мужчины с трудом удерживали его, пока к ним шёл третий, неся на плече топор.

— Так ему, трёх кур у меня стащил и яиц без счёту, — пробормотала старуха.

Мужчина занёс топор и с размаху опустил на ступню вора. Мальчишка завопил так, что даже у меня волосы встали дыбом. В толпе я заметил старосту Теремира, который равнодушно взирает на расправу. Захлёбывающегося криком воришку поволокли прямо в костёр. И этого я уже стерпеть не мог.

— Именем князя Страстогора, остановите это безумие! — рявкнул я и бросился к селянам, которые уже были готовы толкнуть мальчишку в пламя. Малец

теперь сопротивлялся вяло и только хрипел. Земля под ним почернела от крови. Я знал, что такое боль, и представлял, насколько он обессилел после знакомства с топором, особенно если раньше не сталкивался ни с чем серьёзнее тумачов и крапивных стеблей.

Селяне замерли. Мальцу повезло, что я оказался соколом Страстогора — князя, которому принадлежали эти земли. Имя князя подействовало на них, как бочка ледяной воды после беспутной пьянки. Я оттолкнул мужика с топором, схватил мальчишку за шиворот и отбросил от костра. Его драная одежда начала дымиться, а на грязной коже вспухли ожоги. Вблизи я смог разглядеть, что под слоем грязи его кожа отдаёт зелёным. Неужели лешачонок? Но чей? Смарагделя или Гранадуба? И как в таком случае он умудрился попасться людям?

— По указу князя никто не властен решать судьбу вора! Вы уже наказали его, так зачем же отнимать жизнь?

Мужики хмуро переглянулись, но не решались спорить с соколом.

— Он грабил нас, — буркнул тот, что держал топор. На лезвии блестела сгущающаяся кровь.

— Что с того? — рыкнул я. — Ты отнял у него палец. Он будет хромать всю жизнь. Этого мало?

Другой встрял:

— Он же меченый! Ты часто видел зелёных людей?

Я видел не только зелёных людей. Я видел такое, что ни один из этих селян даже представить себе не мог. Я встал так, чтобы они не смогли добраться до мальчишки, сжавшегося на земле жалким дрожащим кулём.

— Меченые не опасны. Он не от хорошей жизни воровал.

— Так шёл бы к шутам!

— Может, он и шёл. Да только теперь дойти ему будет трудно.

Младший из мужчин склонил голову. Раскаивался?

— Мы слышали, Морь возвращается, — тихо произнёс он. — У нас уже помер один, больше смертей не надо.

Я поискал глазами Теремира, надеясь, что хоть он

образумит своих дикарей, но староста исчез. Во мне вскипел настоящий гнев.

— Я тоже слышал на своём веку немало небылиц. Но не бросаюсь убивать безвинных! Навлечёте на себя беды. Владычица Яви не любит, когда пути обрываются не её руками!

— Забирай его, сокол, коли так печёшься о воре, — буркнул бородач, в сердцах воткнул топор в землю и отошёл.

Толпа постепенно стала расходиться, разочарованно перешёптываясь. Селяне надеялись развлечься, глядя на сожжение мальчишки, а я сорвал всё зрелище.

Я хмуро, по-волчьи уставился на собравшихся селян, провожая каждого взглядом. Они немного потоптались, и скоро мы с мальцом остались одни.

Опустившись на землю рядом с мальчишкой, похлопал его по плечу. Паренёк дёрнулся, зашипел и обернулся на меня, класнув зубами в опасной близости от моей ладони. Глаза его покраснели и блестели от слёз.

— Не скалься, — пригрозил я. — Я тебя от смерти спас. Должен мне будешь. А укусишь — уйду и не вернусь.

Костёр ещё горел, такой же злой и жаркий, разливая по земле алый и золотой свет. Я посмотрел на искалеченную ногу мальчишки и содрогнулся. То ли топор соскочил, то ли мужик не отличался меткостью, только вместо одного большого пальца мальцу отсекли два пальца и часть стопы. Такую хромоту уже не скроешь, как ни старайся. А ведь может начаться нагноение, и тогда придётся отнять стопу по самую щиколотку, а то и выше. Земля промокла от крови, которая никак не хотела униматься. Красная, значит, не лешачонок, а человек простой. У лесовых кровь зелёная. Я немного огорчился. Будь малец лешачонок Смагдаля, я бы привёл его к отцу, а в обмен попросил бы не забирать брата Летавы. Ну, значит, не судьба помочь красивой девчонке.

Мальчишка притих, только всхлипывал и дрожал, жавшись в комок. Сам он не встанет, это очевидно.

И бросать его тут нельзя, кто знает, не вернуться ли селяне, чтобы закончить начатое, едва я покину деревушку. Или, чего доброго, истечёт кровью на моих глазах. Себе бы я этого не простил.

Ногой я выбил из костра небольшое бревно, потушил его, стянул свою рубашку и, обернув ею руку, схватил тлеющую головёшку. Поднёс к ране мальчишки, чтобы прижечь, и он снова завизжал, задёргался, попытался отползти, но я надавил ему на грудь свободной рукой, удерживая на месте, а второй продолжал прижигать скверную рану. Запахло палёным мясом.

Только убедившись, что кровь остановилась, а края раны подсохли, я перестал вжимать мальчика в землю. Он обмяк, закрыл глаза, а я спешно вытащил из поясного мешка пузырёк с маковым настоем и, вынув зубами пробку, влил всё до капли мальчишке в рот.

Выпрямившись, я отряхнул руки и развернул рубашку. Она была безнадежно вымазана сажей и прожжена насквозь в нескольких местах, но я всё равно надел. Сунул два пальца в рот и свистнул один раз долго и два раза коротко, подзывая Рудо.

Местные, проходящие мимо, посматривали в нашу сторону с презрением и злобой. Я не отвечал на их взгляды, чтобы не злить ещё сильнее. На запах крови сбежались ольки и кружили чуть в стороне, страшась подойти к чужакам ближе.

Мой пёс скоро прибежал, перемахнул через ограду, отделяющую деревню от леса, и ткнулся мне в лицо большим мокрым носом. Он держал в пасти зайца, шерсть на морде промокла от заячьей крови.

— Ай, умница, Рудо, — похвалил я друга и потрепал по холке. Осторожно взял добычу из пасти и повесил себе на пояс. Приготовлю позже.

Рудо обнюхал недвижно лежащего на земле мальчишку и лизнул его в грязную щёку с дорожками слёз.

— Что, Рудо, подвезёшь ещё одного седока? Да не переживай, он тощий совсем, заяц твой и то больше весит.

Рудо махнул хвостом, радуясь звуку моего голоса, и я истолковал, что пёс не будет против лишнего назедника. Я подхватил мальчишку. Он и правда оказался почти невесомым, будто даже кости были птичьими, полыми внутри. Я запрыгнул на спину монфа, устроил перед собой бесчувственного мальчика и легонько надавил пятками на бока Рудо. Пёс легко сорвался с места, уносясь из деревни прямо в Великолесье.

Если двигаться прямо по Тракту, потратишь много дней впустую, огибая Русалье озеро, а в конце пути попадёшь в Черень, столицу Чудненского княжества. Меня это не устраивало.

Я направил Рудо напрямик через чашу, в суровое Великолесье, пролегающее через территории сразу трёх княжеств и делимое четырьмя Великолесскими лесовыми, князьями всех лесовых. Так я хотел сократить путь, быстро добраться до других поселений, а между делом провести старого друга.

Мальчишка всхлипывал, не приходя в себя, и изредка принимался что-то бормотать. Рудо нёсся сквозь лес резво, радостно, под толстой шкурой перекачивались сильные мышцы. Я знал, как он любит свободные поля и дремучие рощи, какой радостью полнится пёсье сердце, когда лапы топчут не твёрдую землю и не городские улицы, а утопают в мягком мху и сочной траве, когда ароматный пряный ветер треплет шерсть, а нос щекочит запахи таящейся в кустах и норах дичи.

Стоял мой любимый час: когда день уже прошёл, а настоящий густой вечер ещё не наступил, и кругом — только серо-сиреневое безмолвие, прохладное и таинственное, подёрнутое зелёным туманом лесного дыхания.

— Лесовой заберёт, — жалобно прохрипел малец, не открывая глаз.

— Заберёт, — подтвердил я. — Если захочет.

Не в моих правилах утешать людей и внушать им то, чему не суждено сбыться. Ни для кого в Княжествах не секрет: свернул с Тракта — будь готов к неприятностям. Особенно если никогда раньше не был в Великолесье и не носил дары лесным хозяевам. А я как раз хотел предложить мальчика лесовому.

— Идёт уже. Вижу. За мной идёт.

— Да что ты видеть можешь с закрытыми-то глазами? — хмыкнул я, понимая, что мальчишка, скорее всего, даже не услышит меня в своём состоянии.

Он бредил, не более того, но я на всякий случай стал внимательнее смотреть по сторонам. Рудо бежал ровно и уверенно, не было похоже, что нас встречают лешачата, потому что их мой пёс всегда узнавал и немного нервничал, а если бы увидел Смарагделя, то бросился бы ему навстречу, визжа и виляя хвостом.

Скоро глухая чаща перед нами расступилась, и я приказал Рудо остановиться посреди просторной лесной поляны. Изумрудный мох ковром устилал землю и укрывал стволы давно упавших деревьев. По краям поляны прятались земляничные кустики. В начале лета здесь стоял головокружительный аромат сочных ягод, напоённых силой Золотого Отца, а сейчас, на пороге осени, воздух был сырым и пах грибами. Посреди поляны темнело старое кострище, обложенное обугленными камнями. Я усмехнулся, ощутив прилив гордости. Об этом месте не знал никто, кроме нас со Смарагделем и его лешачат. Даже остальные пятеро соколов не подозревали о том, что великолесского лесового можно позвать, разведя костёр на поляне, спрятанной глубоко в лесу.

Я снял мальчишку со спины Рудо и уложил на мох. Он потихоньку начал приходить в себя и тонко хныкал, как обиженная девица.

— Так ноешь, будто тебе руку по плечо отсекли. Успокойся, жить будешь.

Малец застонал. Я и так истратил на него целый пузырьёк макового настоя, на этом мой запас мягкосердечия иссяк. Утешать его не собирался и убеждать,

что отныне его жизнь сложится самым расчудесным образом, — тоже.

Я набрал хвороста, развёл костёр, соорудил из двух рогатин подпорку для вертела, заострил крепкую палку, освежевал тушку зайца, пойманного Рудо, и пристроил её на палке-вертеле. Пёс тут же устроился у огня, не сводя голодного взгляда с зайца. Из уголка его рта свесилась нить вязкой слюны.

Мальчишка наконец разлепил веки и уставился на меня. Я только сейчас заметил, что глаза у него жёлтые, звериные. Судя по ввалившимся щекам, он давно не ел досыта и теперь с завистью смотрел на зайца, не прекращая тихонько скулить от боли. Ну, значит, не так уж и болит, раз проголодался.

— Как звать тебя? — спросил я, медленно поворачивая вертел.

Лешачата услышат запах дыма, прибегут посмотреть, кто хозяйничает в отцовском лесу, а узнав меня, тут же понесутся за Смарагделем. А если повезёт, то он сам учует и выйдет ко мне.

— Огарёк¹, — сорванным голосом ответил малец.

— Птичьи имена у нас обоих, — хмыкнул я. — Кречет.

— Не показалось, значит. Сокол, — прохрипел он и бессильно опустил голову на мох.

Ну что с ним делать? Видно, не попадался раньше, не причен к боли. К тому же сильно вымотался. Раньше, наверное, у него получалось сбегать прежде, чем попадётся: вон какой худой и юркий. Что ж, жизнь каждому преподносит жестокий урок, кому-то — раньше, кому-то — позже. Огарёк сегодня получил свой, а может, потом получит ещё, если плохо усвоит сегодняшний. Я смотрел, как сок стекает по золотящейся заячьей тушке, и думал о том, что, спасши мальчишку, я впервые совершил что-то... доброе? Ещё и не по приказу, а повинувшись внезапному порыву собственной души.

Это было до крайности странное чувство.

---

¹ О г а р ь — разновидность утки.

Глава 4 ЗАЖЖЁМ ПО СВЕЧЕ

Ним не мог понять, очнулся ли он сам или что-то его разбудило. Одежда промокла от утренней росы, всё тело отчаянно болело, во рту было шершаво и кисло. Влажный лес беспрестанно звенел, шуршал, гомонил, и каждый звук казался чужим, недружелюбным, непонятным. В Царстве утра шумели иначе. Кликали звонко лоточники, постукивали колёса телег и экипажей, свистели стремительные стрижи и ворковали гладкие питанные голуби.

Ним перевернулся на бок, припал губами к резным тройчатым листьям, растущим совсем низко от земли, и стал жадно слизывать росу. Листья оказались мягкими на ощупь, бархатистыми, и Ним вспомнил, что такие кустики росли вдоль оврага у них за домом на Перешейке. Земляника. Лето, конечно, уже вот-вот перейдёт в рдяную душно-пыльную осень, но можно ещё попытаться отыскать перезревшие кроваво-сахарные ягоды.

Кругом так шумно стрекотали невзрачные лесные птицы, что Ним не сразу разобрал приближающиеся девичьи голоса. Он насторожился, отяжелевшие мысли с трудом ворочались в голове. Ним попытался встать, затёкшие ноги плохо слушались, но ему всё-таки удалось подняться, держась за тоненький осиновый ствол. Голоса звучали всё ближе, звонкие, весёлые, как весенние птичьи трели. Ним понимал, о чём они говорят, — язык Княжеств мало отличался от того, на котором говорили в Царстве, но вот странный выговор девушек мешал разбирать все слова.

Они показались из-за рощи, румяные, красивые, в длинных платьях с вышивкой по вороту и рукавам. Две девушки несли плетёные корзины, а третья — туес. Ниму стало стыдно за свой оборванный вид, но он всё равно выпрямился и постарался улыбнуться. Всё не

так плохо: девушки помогут ему выйти на Тракт, любая дорога выведет в город, а оттуда он найдёт способ попасть в Солоградское учебное святилище.

Девушка с туесом первая заметила Нима. Она замолчала, замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, округлив глаза. Одна из подруг подёрнула её за локоть, что-то быстро затараторив на ухо.

— Доброе утро, — слабым голосом произнёс Ним.

Все три девушки напряжённо замерли, а потом две из них завизжали, бросили корзинки на землю и кинулись наутёк. Ним недоумевающе посмотрел им вслед. Но больше его удивило то, что третья — та самая, что с туеском, — осталась и разглядывала его, нисколько не пугаясь.

— Ты кто такой? — спросила она и осторожно шагнула ближе.

— Нимус Штиль. Из Стезеля.

— Что это — Стезель?

Из-за местного выговора название города прозвучало как «Стъезэль».

Ним с грустью понял, что вряд ли эта круглолицая сероглазая красавица поможет ему попасть туда, куда нужно. Княжества велики и необъятны, один город от другого отделяют суровые леса и ветреные пустоши, а деревни и вовсе стоят особняком, и люди тут — дикие, ничем не интересующиеся, совсем не такие, как в Царстве.

— Город за морем, — тускло ответил Ним.

Девушка насторожилась, крепко прижала к груди туес и завертела головой, как синичка. Её губы испуганно приоткрылись, румянец спал с пухлых щёк. Она подбежала к Ниму и впихнула ему в руки свой туес. По сладкому сочному духу Ним понял, что туес заполнен поздней сахарной земляникой.

— Беги скорее, чужеземец, — зачастила девушка. — Деревенские обозлённые, мрут у нас детки и скот. Дуры мои раззвонили уже, небось. Беги, а землянику съешь.

